

Казанская

Правда

Ахат Ибраев: Эта история еще не закончена

В Интернете продолжается бурное обсуждение нового казахстанского политического триллера «Полигон». С этим необычным для нас сериалом телеканал «Хабар» подоспел вовремя – 23 декабря Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о международном сотрудничестве в целях реабилитации населения и окружающей среды Семипалатинского региона, пострадавшего в результате ядерных испытаний. Но не только данным событием актуализировано обращение авторов к теме полигона. Как заметил в интервью режиссер-постановщик фильма Ахат Ибраев, история полигона еще не закончена.

– «Полигон» – это история, построенная на вполне узнаваемых людях, которые и сейчас являются первыми лицами страны. Ваш сериал касается очень важного периода. 1989 год – СССР у последней черты, закрытие Семипалатинского полигона, преддверие независимости... У вас был госзаказ снять про ту эпоху?

– Для начала нужно заметить, что наша независимость началась именно с закрытия Семипалатинского испытательного ядерного полигона. Вместе с тем это событие стало логическим продолжением начатых Горбачевым реформ в СССР. Только власть в Москве не понимала до конца, что за сказанным «А» обязательно последует «Б» – народ проникнется духом свободы и потребует реальных действий. И это в нашем фильме, на мой взгляд, достаточно рельефно показано.

Что касается вашего вопроса, то да, был заказ от телеканала «Хабар» – снять сериал о закрытии ядерного полигона. В каком жанре он будет – с самого начала ясности у меня не было. Но я точно знал: фильм не будет повторять документалистику, которую многие смотрели, в нем не будет «ядерных грибов», а главные герои не будут «картонными персонажами», несущими либо свет, либо тьму.

Поэтому в ходе работы над сценарием пришла идея снять именно политический триллер, основанный на реальных событиях, но

приправленный вымыслом. Таков закон художественного кино, если его авторы хотят пробиться к наибольшему числу зрителей. Я также не хотел, чтобы фильм напоминал американский сериал «Чернобыль», хотя и там, и у нас речь идет о катастрофе, о человеческих жертвах. С одной разницей – на Украине все произошло одновременно, у нас катастрофа была растянута во времени – 40 лет люди страдали, болели и умирали.

И вот, когда пришла мысль снять политический триллер, я задался вопросом: в чем наша особенность? Каким может быть драматургический взрыв? Ясно, что была инициатива о закрытии полигона, и когда мы начали в этом разбираться, возникла целая история, наподобие японского «Расёмона» – разные версии, разные интерпретации. К чему бы мы ни обратились – официальные источники, книги Нурсултана Назарбаева, Кеширима Бозтаева, архивы, документы спецслужб, свидетельства людей, участвовавших в тех событиях, – везде присутствовал свой, особенный взгляд на события.

Это уникальный драматургический материал. Период развала СССР. Понятно, что шла борьба за власть, и на фоне этой борьбы поднимался вопрос о закрытии полигона.

Если посмотреть на тему шире, то увидим: в тот момент закончилась Афганская война, Советский Союз испытывал огромные экономические проблемы. У страны не было денег на содержание полигона. Виной тому и санкции Запада, которые привели к резкому падению цен на нефть, и антиалкогольная кампания, сильно подорвавшая бюджет. Но при этом трагедия нашего народа продолжалась – Министерство обороны СССР настаивало на том, чтобы полигон действовал.

Время с 1985 по 1991 год – эпоха большой политической борьбы, отголоски которой мы слышим до сих пор: развал Союза, подъем национального самосознания, попытка понять, что с нами произошло и происходило столько лет...

– Ваш сериал на самом деле заставил иначе взглянуть на события того времени. К примеру, история закрытия полигона у меня в голове была связана с движением «Невада – Семипалатинск», которое возглавил Олжас Сулейменов, а также с фильмом Ораза Рымжанова «Полигон», его рассказом, как депутатов пригласили в Дом кино, показали документальный фильм, а когда привезли обратно на заседание Парламента, то все проголосовали за закрытие полигона. У вас же немного другая история.

– Своим фильмом я показываю, что закрытие полигона – плод коллективных усилий. Кто хотя бы догадывается, как это работает в принципе, тот понимает, что тут все сошлось в одной точке – народное

недовольство и первые единичные протесты против испытаний, социально-экономическая и политическая ситуация, свобода слова, гласность, действия местной и республиканской власти, которая (редчайший случай в истории!) решила поддержать протест, создание общественного движения «Невада – Семипалатинск», где в один кулак собрали народную энергию, требования к ВПК и Кремлю и так далее.

Конечно, кому-то такой взгляд покажется неправомерным, далеким от истины. Я знаком с публикациями, где, например, роль первого секретаря Семипалатинского обкома партии Кеширима Бозтаева отвергается: не мог якобы провинциальный руководитель осмелиться на поступок – написать письмо Горбачеву с требованием сократить количество взрывов или перенести полигон в другое, более приемлемое место.

Но если дать себе труд подняться над этой историей, можно понять, что в тех условиях, когда партийная власть была сильна, вопрос состоял только в том, кто на тот момент возглавлял обком. Бозтаев был сильным, вдумчивым, порядочным человеком. Мне рассказывали, как перед московской комиссией и огромным залом он корректно, но твердо поставил на место руководителей военного отдела ЦК КПСС и генштаба Министерства обороны СССР, которые настаивали на продолжении взрывов.

Позиция военных понятна. Если бы сейчас возникла идея построить такой полигон, то он обошелся бы в сотни миллиардов долларов. Огромный, финансово емкий, логистически сложный проект – электростанции, тысячи километров подземных железных дорог, подземный город, жилой массив, множество научно-исследовательских институтов и лабораторий, опытные площадки... Я не знаю аналогов такого проекта в мировой истории! Такое могло родиться только в сталинском СССР. Машина, которая спустя 40 с лишним лет начала пожирать саму себя.

С другой стороны, с точки зрения науки, на тот момент были испытаны все имевшиеся тогда модификации бомб, а научно-технический прогресс привел к тому, что для испытаний нового оружия массового уничтожения уже не нужны такие полигоны, и ученые ядерного клуба это понимали. То есть смысл существования такого испытательного центра к тому времени был исчерпан.

– Меня заинтересовала фигура Бозтаева, который активно боролся за закрытие полигона. Я думаю, что он до сих пор широко не известен, у вас же эта личность – один из трех основных героев.

– Будучи первым секретарем Семипалатинского обкома, Кеширим Бозтаев, вопреки партийной субординации, рискуя карьерой, своим политическим будущим, написал лаконичную, но емкую шифrogramму Генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву. В шестой серии мы ее подробно приводим. Параллельно мы показали заседание, где члены московской правительственной комиссии пытаются убедить местных, что нет вреда от радиации.

И это был реальный спор, мы пользовались стенограммой того заседания. Москвичи говорили, что максимум радиации от взрыва бомбы равен дозе, которую вы получите (цитирую дословно) «слетав на самолете в Москву». И не принимали доводов казахстанской стороны относительно роста онкологических и психических заболеваний, врожденных уродств, негативного воздействия на среду и инженерные коммуникации городов и сел.

Это лицемерие и вызывало народное негодование. Бозтаев отважно сражался со своими оппонентами. Например, он требовал денежных компенсаций для жителей пострадавшего региона. До конца своей жизни боролся за это. При нем было закуплено оборудование и остро необходимые медикаменты для лечения онкологических больных в Семипалатинске, он внес вклад в закон о социальной защите граждан, пострадавших от ядерных испытаний.

– Сейчас Вас критикуют за образ Олжаса Сулейменова...

– Что касается фигуры уважаемого Олжаса Омаровича, то в фильме он, как и остальные герои, – образ собирательный. Мы взяли разные судьбы, характеры, события и смиксовали их. Фамилии реальных людей, но образы – другие. И герои меняются по ходу фильма. Кто дал себе труд посмотреть весь сериал, а не первые 10 минут, понял, что при всем том мы постарались максимально показать масштаб личностей, события и вклад каждого участника в закрытие полигона.

В сериале звучат ставшие бессмертными стихи Сулейменова, показан он как лидер движения, его встречи с народом. Но по законам жанра за каждой политической победой кроются борьба, разочарования, непризнание и так далее. Кто-то вырывается вперед, кто-то уходит в тень, кто-то умирает в неизвестности. Без этого вы могли бы представить себе политический триллер?

Конечно, особое внимание было уделено простым людям, их страданиям, прозрению, борьбе и жертвам. Я рад, что основная масса наших зрителей, а в YouTube набралось на данный момент более 500 тысяч просмотров, правильно поняла главный посыл фильма и приняла форму подачи всем знакомого сюжета.

Я рад, что сериал смотрит наша молодежь как в Казахстане, так и за его пределами, так как сериал снимался именно для нее. Прошло всего 30 лет с тех событий, но молодежь забывает или ей недостаточно рассказывают о событиях, связанных с закрытием полигона.

– Хорошо, если все так, как Вы говорите, что это не было социальным заказом, а Вы сами пришли к этим выводам. А кто был автором сценария сериала и насколько Вы сами оказались вовлечены в его написание?

– Сначала я пригласил известного сценариста Алишера Утева, он в свою очередь привлек команду коллег.

– Утев же известен как сценарист коммерческих фильмов, комедий в основном...

– Да, но мне изначально хотелось снять фильм по правилам коммерческого кино, чтобы людям было интересно. Тем более что Алишер тоже эволюционирует, растет, мне показалось, что он готов к этой теме.

Вместе с группой Утева мы поработали над идеей, персонажами, сюжетными линиями и коллизиями. После этого весь материал, как мы говорим, «гора пластилина», был передан Елене Лисасиной, она известна как режиссер и сценарист фильма «Финансист», профессионал в своем деле. Поэтому у нас диалоги в фильме не ходульные, примитивные, а живые, со смыслом, у героев нормальная речь.

Спасибо Лене, что подошла к работе максимально творчески, умело реализовала идею. Другими словами, окончательный, отснятый сценарий написала Елена Лисасина. Но главное – данная история является результатом коллективной работы представителей нашей молодежи – к проекту привлекались молодые кинематографисты.

Насчет «социального» заказа. Был заказ «Хабара» – снять сериал на тему закрытия полигона. Вот и все. Ерлан Бекхожин не водил моей рукой – вот здесь покажи то, там – другое. Честно говоря, я впервые получил удовольствие от сотрудничества с государственным телеканалом и его руководством. Были встречи, были дискуссии, пожелания, но никто не нависал надо мной с указаниями. Ерлан Халижанович – идеальный генпродюсер и творческий партнер.

– В сериале есть эпизод, когда ночью ко всем казахстанским членам комиссии, которая должна принять решение по полигону, приходят сотрудники спецслужб и оказывают на них давление, чтобы они изменили свою позицию. Таким образом, Бозтаев и Сулейменов

видят, что вчерашние соратники отступили. Эпизод впечатляет: действительно, в советское время сила КГБ была огромной.

– По большому счету, никто не верил, что полигон можно закрыть. Это как сегодня сказать: давайте закроем Байконур! Давление со стороны военных и спецслужб было колоссальное. Полигон – это большая политика, как и его закрытие.

– Мне понравилась заставка сериала: достается коробка, настольная игра, на ней написано – «Полигон». И оттуда вынимают солдатиков, машинки, вагоны... Взрыв – ветер сметает строения, дома, деревья, людей. Ставятся новые солдатики и так далее. То есть «Полигон» – это игрушка в чьих-то могущественных руках?

– Можно и так сказать, да. Работа по закрытию полигона была, несомненно, связана с постоянным наблюдением со стороны «Большого брата», где бы люди ни находились – в Семипалатинске, Алма-Ате или Москве. Человек являлся объектом постоянного наблюдения, частью чужой игры.

Заставкой мы хотели подчеркнуть одну из концепций сериала. Полигон – это не только тема гонки вооружений, не только территориальная привязка объекта, это многоплановый эксперимент: а давайте посмотрим, что будет с людьми через год, два, десять лет, сколько понадобится времени для восстановления инфраструктуры в случае ядерной войны, как взрывы отразятся на генетическом коде, что станет с природой, насколько у казахов хватит терпения, как будет вести себя армия? Какие социальные и политические процессы могут возникнуть, и в какую сторону они повернутся? Это дьявольская игра.

До 18 и более атомных, водородных, термоядерных, наземных и подземных взрывов в год на протяжении всего периода... Ни Хиросима и Нагасаки, ни Чернобыль не идут с этим ни в какое сравнение. Но советский ВПК был безумен. Помните, полковник, если не ошибаюсь, и народный депутат Петренко искупался перед зарубежными журналистами в созданном путем ядерного взрыва озере – он хотел показать, что радиации нет? Искупался и, как я слышал, вскоре умер.

– Назарбаев – одна из главных фигур сериала. Фактически сериал о том, как он пришел к власти. Так?

– Это была бы слишком амбициозная задача. Да, герой с фамилией Назарбаев является ключевой фигурой сериала. Она, по нашему замыслу, должна была привлечь зрителя, как и герой с фамилией Сулейменов. Я уже говорил, что сериал снят для более молодого зрителя, приученного смотреть истории. Нет истории – нет интереса.

Хотя, я в этом уверен, фигура реального Нурсултана Назарбаева была ключевой во всей этой истории. Даже если республиканский руководитель в СССР не мог быть абсолютно независимым, будущий Первый Президент часто вел себя самостоятельно. Я знаком с его выступлениями накануне выборов народных депутатов СССР и на съезде, это были не столько сильные притязания на власть, сколько искреннее беспокойство о судьбе своей республики. Думать, что он был пешкой в руках больших игроков, как утверждают некоторые в соцсетях, – заблуждение.

Много вы знаете случаев, когда Нурсултан Назарбаев кому-то позволял собой играть? С ним уже тогда считались в Кремле. Прирожденный политик, он запустил механизм, подключил ресурсы, выстроил идеологию, прорчитал потенциальных единомышленников...

Мне также было любопытно показать взаимоотношения Назарбаева и Сулейменова. Один – политический лидер, другой – общественный. И вот эти два человека до сих пор продолжают быть в центре происходящих в стране процессов. Тот же Сулейменов по-прежнему влиятелен, к его слову прислушиваются, принимают безоговорочно или беспощадно критикуют, но слушают. Вообще, снять кино о давно ушедших исторических личностях может любой, снять же картину о живых и продолжающих действовать и влиять людях – тот еще квест, я через него прохожу прямо сейчас. Но, повторяю, это художественный фильм, мой собственный взгляд. Имеет ли он право быть высказанным – решать зрителям.

– Почему Вы не придерживались портретного сходства? Как Вы сами оцениваете работу актеров, сыгравших главных героев?

– Грим скрывает эмоции, делает лица деревянными. Когда снимаешь психологическую картину, где много крупных планов, он просто мешает, превращая все в пародию. Должны играть глаза, брови, лицевые мышцы. Как мне говорили люди после просмотра сериала, к середине первой серии привыкаешь и не замечаешь, что Назарбаев внешне не похож.

А вообще, пусть это не покажется самонадеянным, нашей команде удалось открыть для массового зрителя больших артистов в другом контексте, в других образах. Это Азамат Сатыбалды в роли Нурсултана Назарбаева, Ерлан Билял в роли Олжаса Сулейменова, Жандарбек Садырбаев в роли Кеширима Бозтаева, московский актер с алматинскими корнями Алексей Шемес (начальник полигона Головка), Асан Мажит (доктор Айткалиев), Асель Сайляуова (мать погибшего от лучевой болезни мальчика Гульсара), Сергей Матвеев (Геннадий Колбин), столичный актер Денис Анников (кагэбэшник Кулаков). Я

благодарен артистке лермонтовского театра Нине Жмеренецкой за согласие сняться в картине... Артисты работали на пределе возможностей и показали высший класс мастерства.

То же самое могу сказать о съемочной группе – режиссерах, продюсерах, художниках, операторах, звукорежиссерах, осветителях, директорах и редакторах – обо всех моих дорогих коллегах. Я работаю в кино 11 лет после вуза и могу заверить, что более слаженной, творческой, жертвенной группы у меня еще не было.

От сценарной идеи до сдачи фильма в эфир у нас было 4 месяца – можете себе представить, в каком темпе мы двигались. У меня остались от сотрудничества со всеми ребятами и с телеканалом огромное чувство благодарности и желание и дальше делать с ними кино.

– Почему сегодня важно было показать историю закрытия полигона? Чтобы вспомнить о нем, как об одном из первых достижений независимости Казахстана?

– Не совсем так. Во-первых, если вы сегодня захотите посетить полигон, то вам это не удастся. То есть это не музей, как в Хиросиме. Это закрытый охраняемый объект. И чем больше я вникаю в историю ядерных испытаний, тем больше вопросов у меня возникает.

Во-вторых, молодое поколение мало знает о полигоне, есть люди, которые о нем ничего не слышали, как и о вкладе Казахстана в ядерное разоружение. Тридцать лет – это большой период, родившиеся в том, 1989 году уже сами отцы и матери. Поэтому надо говорить, писать и показывать.

В-третьих, тема закрытия полигона содержит большой патриотический смысл – казахстанцы сумели это сделать, именно когда объединились и интересы Родины поставили выше других интересов.

И, в-четвертых, для меня этот пункт очень важен: пришло время правды. И если даже сейчас в наших сердцах попытки докопаться до правды не вызывают никакой реакции, то это, наверное, только потому, что мы разучились правду уважать.

Я думаю, что мы сможем быть конкурентоспособными, что-то дать этому миру в том случае, если каждый из нас сделает внутренний выбор – говорить то, что он реально думает, жить так, как он считает нужным, не скрывать своих намерений или все это отбросить и... жить, думать и говорить, как скажут.

Выбрать свою собственную правду и не прятать ее – это уважение к себе, это готовность к прогрессу и независимости. Это касается как

личности, так и государства. А история полигона еще не закончена. Буду рад, если она продолжится в какой-либо иной творческой форме.

АВТОР:

Гульнара Абикеева, киновед